

Глава 19

На пути к рынку

Я уже писал, что в 1989 году темпы развития народного хозяйства страны стали снижаться. Позволю себе пунктирно повторить лишь общие причины этого явления. Разгорающиеся межнациональные конфликты... Нарастающая политическая нестабильность в стране... Заглушающие разум многочисленные митинги... Постоянная и все углубляющаяся конфронтация органов власти... Нарушение, а то и разрыв хозяйственных связей между республиками, регионами, предприятиями... То и дело остановки предприятий по экологическим причинам, какие-то оголтелые формы движения «зеленых», в результате чего подрубались корни развития энергетики, химии... Ослабление и даже потеря контроля над динамикой денежных доходов отдельных групп населения... Недостаточный рост производства товаров и услуг, несмотря на принимаемые меры, что вело к разбалансированию потребительского рынка...

Продемонстрирую последнее обстоятельство несколькими цифрами. Мы добились превышения темпов роста продукции группы «Б» (товаров народного потребления) над темпами роста продукции группы «А» (средств производства) и всячески старались эту тенденцию сохранить и укрепить даже в условиях спада производства в целом. Но темпы роста производства товаров народного потребления и товарооборота слишком отставали, как видно из таблицы, от денежных доходов населения.

Темпы роста (в процентах к предыдущему году)

	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Производство средств производства (гр. А)	3,4	0,6	—3,2
Производство товаров (гр. Б)	5,4	4,9	4,4
Денежные доходы населения	—	13,1	16,9
Товарооборот	—	8,4	10,3

Добавьте к перечисленным выше причинам начавшуюся конверсию оборонных отраслей, и вы увидите, что в этих условиях общее снижение темпов производства было неизбежным. Мы внимательно отслеживали все это, понимая вместе с тем, что структурная перестройка всегда сопровождается такими временными издержками. Самое главное при этом — определить оптимальный путь развития экономики и придерживаться его, не дать экономике свалиться в пропасть, что, кстати, и произошло сейчас. Нас больше беспокоил разрыв между темпами доходов населения, товарной массой и, следовательно, товарооборотом. Развернувшаяся программа конверсии и намечаемый рост производства товаров народного потребления требовали и времени, и средств. Между тем новые формы хозяйствования сильно нарушали соотношение денежных доходов, роста производства и производительности труда. Не обеспеченные соответствующими объемами товаров деньги стали все сильнее и сильнее давить на рынок.

Конечно, я понимал руководителей заводов, фабрик, институтов, контор и других предприятий и организаций, обеспокоенных материальным положением своих коллективов и из-за всех сил старавшихся поднять им заработную плату в обход «драконовских финансовых установок», придуманных, конечно же, Правительством Рыжкова. Именно оно, как утверждала «демократическая» пресса, виновато во всех народных бедах. Но Правительство-то всего лишь хотело простой и понятной вещи: чтобы на свое честно заработанное человек мог купить действительно необходимое и приобрести это по нормальным ценам, соответствующим реальной стоимости товара, а не завышенным искусственно.

Я не мог понять позицию тех высоких руководителей, которые популистски заявляли, что «законы Абалкина» ущемляют интересы трудящихся. Как, впрочем, не понимал и решений многочисленных комиссий и комитетов Верховного Совета, требовавших увеличения финансирования то одного, то другого из бюджета.

На Правительство шел массированный прессинг. Поэтому триаду доходы—товары—цены в 1990 году необходимо было вывести из состояния начинающейся дестабилизации и привести в более или менее устойчивое равновесие.

Мы понимали, что делать это следует незамедлительно. Об этом и пойдет речь в этой главе. Но прежде хочу сказать несколько слов еще об одной причине «дисбаланса-90».

О причине, знакомой нам до этого лишь по статьям в советской прессе о жизни за рубежом. В тот год она стала горькой реальностью и у нас в стране.

С 20-х, пожалуй, годов мы и не слышали ни о каких забастовках в СССР, хотя они все же время от времени случались. Редко, но они бывали то на одном производстве, то на другом, иногда даже с трагическими последствиями. Закона о забастовках не было, боролись с этими нечастыми проявлениями протеста привычными в те годы методами: шли на уступки, наказывали руководителей, преследовали зачинщиков.

Первой забастовкой, что повлекла за собой нормальные переговоры и разумный компромисс, стала, если не ошибаюсь, горняцкая — в Норильске в 89 году. Она же стала первой в невероятно тяжелой для экономики, для нравственного состояния людей, для страны в целом долгой цепочке забастовок, которые из явления капиталистического вдруг стали и социалистическим.

Сразу после Норильска забастовали шахтеры бокситовых рудников на Урале. Удалось договориться. Однако «мир» был недолгим. Летом 89 года по стране прокатилась волна забастовок шахтеров-угольщиков. 10 июля она началась в Междуреченске и охватила весь Кузнецкий бассейн. Причины? Очевидны и объективны: длительное отставание развития социальной сферы в угледобывающей отрасли и конкретно — недостаточное снабжение продовольствием и прочими товарами, необходимыми для нормальной жизни горняков и их семей.

Родился я и вырос в одноэтажном шахтерском поселке, который позже, слившись с другими такими же, превратился в город Дзержинск в Донецком угольном бассейне. Отец мой — дай Бог ему здоровья и долгой жизни! — до пенсионного возраста трудился в шахте. Брат Евгений пошел по его стопам, был проходчиком, бит-перебит шахтерским тяжким трудом, даже до пенсии года не доработал: болезни выгнали на поверхность с привычной ему тысячеметровой глубины.

Я-то пошел по другой дороге, мне всегда учиться хотелось, но с шахтерским житьем-бытьем за годы детства и отрочества сросся так, что, кажется, не оторвать. Всегда буду помнить нашу единственную — на всю семью — комнату в типичном поселковом доме-бараке, выгороженную в комнате микроскопическую кухоньку, где хозяйничала мама, скворечник общего туалета во дворе, продува-

емого насквозь всеми ветрами, — хорошо, что в Донбассе зимы не очень холодные.

Буду помнить стремительное и, кажется, нескончаемое падение в клетки — ну, будто в преисподнюю! — мелькание тусклых фонарей в стволе, узкую черную дыру уходящей под углом в сорок пять градусов лавы. Сам не раз в шахтах бывал. В Донбассе угольные пласты очень тонкие, 60-сантиметровые, работать в лаве приходится лежа, обушком уголь откалывать — как отец начинал, лежа ворочал грохочущий и норовящий вырваться из рук отбойный молоток или перфоратор, так это досталось и моему брату. Хотя все это со стахановских времен тянется, мало что изменилось и поныне в условиях работы на таких шахтах. Шахтерский поэт Николай Анциферов с грустным юмором точно сказал о таком труде: «Я работаю, как вельможа. Я работаю только лежа...» А как в такую щель комбайн загонишь? Никак...

Зябко вспоминать, но все мы в поселке от мала до велика свыклись с понятием «смерть». Оно не было для нас менее страшным, чем для кого-то еще. Нет, смерть страшна везде и всегда. Но для нас это понятие было именно привычным, ибо каждое утро жены, матери и дети провожали своих мужей, сыновей и отцов в неизвестность. Не исключено — на смерть. Знали, как «Отче наш»: любой день грозил обвалом в лаве, взрывом метана, еще каким-нибудь несчастьем.

Шахта непредсказуема, как сама природа, и никакое насильственное вторжение человека в нее никогда еще не проходило безнаказанным. История шахтерского труда — это история трагедий. Не только у нас — во всем мире. Наш поселок вырос вокруг бельгийской шахты, построенной, если память не изменяет, в начале века. Она и сейчас на месте. Жива. Подобные шахты в Донбассе стали возникать в 90-х годах XIX века в период создания в России крупной каменноугольной промышленности...

И вот это нечеловеческое ощущение обреченности, этот адский тяжкий труд, естественно, требуют нормальных условий жизни вне шахты. Нормального быта. Теплого и доброго дома. Семьи без скандалов. Заработков по труду, а на них, соответственно, еды вдосталь, питья, к сожалению, тоже — ибо что есть «веселие Руси»? Ну, и одсжды подобротней, вещей надежных — телевизор чтоб, холодильник, мебель крепкая и красивая, мотоцикл, а лучше — машина.

Мало этого было у шахтеров к печальной памяти 89-му.

Кто сказал, что уголь — хлеб промышленности? Не Сталин ли, всегда склонный к афористичной красноте речи? Не помню. Но он-то как раз пресотлично понимал высочайшую для державы цену шахтерского труда. Понимал, что такого труда из-под палки не получить, тут нужен полновесный пряник. Зарплата тогда у шахтеров была много выше, чем у рабочих других специальностей, снабжение товарами и продуктами велось приоритетное, орденами и медалями, которые в сталинские годы на вес золота ценились, не обделяли шахтеров. И поселки вполне отвечали тогдашнему понятию о рабочем комфорте — не изысканном, но надежном. Не случайно, думаю, в качестве «маяка» в тридцатые годы был выбран именно шахтер-забойщик Алексей Стаханов, давший в 35-м имя движению передовиков и новаторов. Хотя звание Героя Соцтруда он получил с опозданием на четверть века — лишь в 1970 году...

Шли годы. Заработная плата рабочих других отраслей народного хозяйства догнала и даже перегнала шахтерскую. В городах строились вполне приличные дома, где были газ, горячая вода и теплые туалеты. Заводы обзаводились собственными хозяйствами, магазинами, дворцами культуры, санаториями. А шахтеры во многом еще жили по-прежнему. О них словно забыли. Словно кто-то счел, что все они в те былинные 30-е получили и — хватит с них.

Терпение лопнуло в 89-м.

Почему я позволил себе вспомнить свое детство и отрочество и даже порассуждать немного о шахтерском труде? Да потому, что считаю причины тогдашних шахтерских забастовок не просто понятными, но и оправданными. Я проехал по Кузбассу весной 89-го и сказал с трибуны сессии Верховного Совета СССР, когда представлял депутатам кандидата в министры угольной промышленности Михаила Ивановича Щадова:

«На мой взгляд, самыми главными вопросами сегодня являются вопросы социальные. Я бы их поставил на первый план. Видел я, как говорят, на своем веку много шахт, много шахтерских поселков, но то, что делается там — и в Прокопьевске, и в других шахтерских городах Кемеровской области, — думаю, просто нельзя нам дальше терпеть... Нам действительно надо где-то ужаться на будущую пятилетку, но самые сложные вопросы развития шахтерских городов надо решить. Мы больше не можем оставлять в таком состоянии поселки, которые я видел, когда находился в этом районе... я считаю, наша святая обязанность — помочь рабочему классу, который работает под землей».

Я сказал это 6 июля. А 10-го, повторяю, забастовал Междуреченск.

Пишу эти строки и опять ощущаю себя каким-то «буревестником». Честное слово, не специально это выходило! И моя огромная вина есть в том, что в череде популистских «ускорений» в ходе перестройки (помните, я писал о то и дело возникавших у Горбачева приоритетах развития металлургии, нефтедобычи в Западной Сибири, районов Дальнего Востока и т. д.) сам не подумал вовремя об острой необходимости отнюдь не популистского, но жизненно важного «ускорения» — в развитии социальной сферы угольной промышленности. Мне тем более стыдно, что я труд шахтеров, как только что писал, с детских лет знаю.

А забастовка из Кузбасса перекинулась в Донбасс, в Караганду, в Печорский угольный бассейн. Забастовала практически вся отрасль, и десять дней и ночей шахтерские беды будоражили страну. Их серьезность я понимал, но как главе Правительства мне была отнюдь не безразлична и другая сторона дела, а именно то, что 180 тысяч человек только в Кузбассе сознательно не работают. Забегая вперед, скажу, что забастовки 89-го принесли стране 800 миллионов рублей убытка. Но ведь эта цифра выведена лишь по угольной промышленности, а сколько продукции недодали производства, не получившие угля? Специалисты полагали, что истинные потери можно определить, умножив эту цифру на четыре.

К забастовщикам на переговоры — а везде были образованы забастовочные комитеты — немедленно выехали мои заместители, в каждый регион. В самый горячий момент вновь назначенный министр угольной промышленности Щадов безвылазно сидел в Кузбассе и Донбассе, вел бесконечные дебаты с горняками, московским начальством и настырными до одури журналистами. К слову, он «прославился» на всю страну тем, что прямо в эфире сгоряча послал... куда-то далеко кемеровского телерепортера. Хамство, конечно, кто спорит, но по-человечески понимаю Щадова, ибо сам каждый день был близок к подобному «движению души».

Дело в том, что я — впервые, пожалуй, в истории наших ЧП — никуда из Москвы не уехал. Просто не потребовалось. Совет Министров превратился в некий столичный филиал межрегионального забастовочного комитета: такого официально не возникло, может быть, потому, что он стихийно существовал в Москве. Впрочем, склонен сам себе возразить.

Все-таки в Совмине был антизабастовочный штаб, ибо каждый день я встречался с представителями различных шахтерских движений, каждый день спорил с ними до хрипоты. Они, предусмотрительные, все наши совместные решения фиксировали, непременно требовали моей визы на протоколе, все наши беседы на диктофоны писали, потом приезжали к себе домой, собирали митинги на площадях и крутили запись через репродукторы: мол, не зря съездили. Я иногда думаю, пустили бы эти шахтерские летучие отряды в нынешние коридоры власти Президента или Председателя Правительства? Уверен, что постояли бы горняки с плакатами у охранных постов да с тем и уехали бы восвояси.

У меня хранятся до сих пор фотографии из газет и журналов той поры, где на площадях рабочих поселков и городов лежат и сидят сотни шахтеров, а на переднем плане аршинными буквами: «Ждем ответа, т. Рыжков!» Представители шахтерских регионов чередой проходили через мой кабинет, коридоры Кремля, и приемная Предсовмина превратилась в шахтерскую «нарядную». Все, как я только что сказал, требовали от меня подписи с гарантиями. Иногда, даже поздней ночью, я соединялся по телефону с Горбачевым и говорил по тому или иному вопросу, который выходил за пределы компетенции Правительства и должен был решаться в Верховном Совете СССР. Он неизменно отвечал: «Действуй, как ты считаешь нужным. Я со всем согласен». Он всегда хотел оставаться в стороне. Кстати, и шахтеры не очень-то требовали его подписи.

Забастовку шахтеров не замедлила использовать в своих политических целях зарождающаяся оппозиция, прежде всего в среде народных депутатов. На одной из встреч с шахтерами они выдвинули требование показать по телевидению фильм, где главным действующим лицом и выразителем их интересов был народный депутат СССР С. Станкевич.

Наверное, еще многие помнят этого быстро появившегося на политической сцене человека. Был он потом и первым заместителем Г. Попова в Москве и всенародно обещал ее благоустроить до неузнаваемости, был он и в числе главных советников Президента по каким-то вопросам. А тогда он, до черного блеска смазав угольной пылью физиономию, появился на экране, возмущался всеми бедами горняков и говорил как бы от их имени. Сейчас его не видно: может быть, и по-серьезному ушел работать в шахту?

Меня часто удивляло, как могли, да и сейчас еще грешат этим, смелые, сильные и гордые парни-шахтеры поддаться

на такую дешевку? Ведь случай со Станкевичем не единственный — были у них и Бурбулис, и прочие радители шахтерские. И «ходоков» специальным поездом привозили в Первопрестольную для защиты Президента России от непокорных народных депутатов. Да, сложна психология человека и особенности поведения массы людей...

Кстати, в 91-м журналисты и думать забыли про шахтеров. Журналисты событием живут, а событие, по их теории, должно быть коротким, иначе интерес читателей и зрителей не удержишь. Но я-то сегодня тоже читатель и зритель. Мне очень интересно знать, как там дела сейчас у шахтеров? Что-то замолкли журналисты о выполнении ими же нареченного «пресловутым» постановления нашего Правительства № 608, которым предусматривалось комплексное решение всех основных вопросов жизни и работы шахтеров. Сейчас же я вижу по телевидению, как они бастуют, проводят голодовки под землей, требуя хотя бы выдачи заработанных ими уже несколько месяцев назад денег. И мечутся по шахтерским краям высокопоставленные правительственные чиновники, гася то один пожар, то другой. И это не случайность. По всему видно, что угольная промышленность страны стала для них обузой.

Недавно был я в Донбассе, в независимой державе. Встречался с некоторыми руководителями шахт, которые в том, 89-м, году приезжали в Москву со своими шахтерами. Увидев, что там делается, естественно, задавал вопросы: «Во имя чего вы это делали? Что вы получили? Неужели вы этого добивались?» Ответ: «Ошиблись, обманули нас краснобай — и московские, и местные!»

Все это не является очередным отступлением от темы. Наоборот — это, может быть, несколько затянувшееся, но все же вступление в нее, в проблему оздоровления экономики. И именно обостряющееся экономическое положение в стране заставило нас сделать вопрос о реформе в экономике главным на открывавшемся 12 декабря 89 года Втором внеочередном съезде народных депутатов.

В тот год они в действительности представляли своих избирателей, иными словами — народ. Это потом многие из них оторвались от него, отгородились телеэкраном, с которого непрестанно клялись в верности избирателям. Но «потом» еще и не маячило, и следовало сказать депутатам, что страна входит в серьезнейший кризис, предложить им ряд мер по оздоровлению экономики. И тут мы встретились с новыми трудностями, теперь уже на уровне депутатского корпуса.

Дело в том, что полгода его деятельности выявили и обострили в нем различные течения и группы, порой — непримиримые. Они во многом отражали в себе те противоречия, которые существовали в стране в целом.

Мы хотели честно и прямо сказать депутатам, что у порога нашего дома стоит беда, что справимся мы с ней, лишь сплотившись, — как всегда было в подобных случаях. Мы верили, что ожидание ее и противостояние ей вновь сплотит спорящих и враждующих. Как в Чернобыле. Как в Армении.

Сегодня, по прошествии времени, легко определить эту веру как наивность инерции. Или инерция наивности. От перемены мест слагаемых, как говорится... Да что там! Теперь-то любому видно, что тогда любая программа, даже фантастически безошибочная, в «десятку», но предложенная Правительством Рыжкова, была бы принята в штыки из-за моих принципов и убеждений. Политической борьбе здравый смысл — помеха. У нее, у борьбы, свой смысл.

Так вот, прежде чем выходить на Съезд с конкретными предложениями, мы обязаны были ответить самим себе и всему народу на два основных вопроса: какое общество мы собираемся строить дальше и какими путями и методами будем проводить реформы.

Я уже писал, что еще в 83 году Генеральный секретарь ЦК Ю. В. Андропов всенародно поставил вопрос: в каком обществе мы живем? И вопрос этот был далеко не риторическим. Надо было определить смысл созданного в стране строя и место его в человеческой истории. В этой книге я не раз в той или иной форме высказывал свою политическую и жизненную позицию. Я социалист по убеждению. Но и из теоретических работ, которые мы изучали в вузах, и из анализа реально построенного в стране общества можно сделать вывод, что практически у нас существовал лишь ранний социализм. Он так же не похож на зрелый, как ранний феодализм — на поздний, а эпоха первоначального накопления (официально объявленная нынешними властями целью) — на капитализм высокоразвитый.

Однако одно дело — дать определение, другое — провести анализ, который позволил бы четко сформулировать причины несовершенства созданного общественного строя и определить цели и пути его дальнейшего развития. Основной целью перестройки было совершенствование социализма, а не замены его как такового. Но возникает вопрос, в чем же состоят причины того, что мы построили только ранний

социализм со всеми его недостатками и противоречиями? Это надо было знать, чтобы определить содержание намечавшихся реформ. На мой взгляд, этих причин несколько. Остановлюсь только на некоторых.

Первое. Отторжение населения от власти. В условиях централизованной политической и экономической системы возник новый специфический слой общества — бюрократия, чаще всего в публицистике называемая номенклатурой. Вот этот тонкий, искусственно взращенный слой и сыграл роковую роль в размывании и даже во многом разрушении истинного народовластия. Сейчас нет централизованной партийной и экономической систем, но народ и теперь, уже совершенно сознательно и даже без какого-либо камуфляжа, отбрасывается от власти. Все важнейшие решения готовятся закулисно, директивно, авторитарно. Мнение людей или отвергается, или фальсифицируется.

Второе. Отчуждение человека от средств производства и результатов своего труда. В силу этого у работника отсутствовала глубокая мотивация к эффективному, высококачественному, ответственному труду. При такой системе неизбежны высокий уровень затрат, постоянная дефицитность продукции, низкое качество выпускаемых изделий, несоблюдение экологических требований.

Третье. Отчуждение основной массы работающих за зарплату от произведенных обществом товаров и услуг. Практически тотальный директивный отрыв цены от фактической стоимости товаров породил их дефицит, создал слой людей, ближе стоявших к источникам перераспределения материальных благ. Большая же часть работающих вынуждена была выстаивать длинные очереди или пользоваться услугами спекулянтов-перекупщиков.

Четвертое. Перекос структуры производства в сторону средств производства за счет выпуска предметов потребления. Можно принять такое соотношение в определенное историческое время — предвоенный, военный и послевоенный период, но нельзя оправдать эти тенденции в последние десятилетия. И то, что мы опоздали изменить пропорции в обратную сторону, бросило большую тень на социалистический строй в нашей стране да и в Восточной Европе.

Пятое. Я уже писал, что послевоенное противостояние социалистических и капиталистических государств вылилось в создание враждебных друг другу военно-политических и экономических блоков, привело к определенной изоляции и самоизоляции нашего государства от мировой экономики.

Эта линия быстро обрела необычайную силу и устойчивость благодаря тому, что на ее обеспечение были направлены все институты общества: партия, государство, экономика, идеология, духовная сфера и т. д.

Жизнь, однако, не стояла на месте. Человечество во второй половине XX века переживало и переживает научно-техническую революцию. Основой развития мировой цивилизации стал труд творческий, интеллектуальный. Потребовалась переоценка таких фундаментальных явлений, как взаимоотношения между государствами, между людьми, в том числе в связи с собственностью. И эти новые условия и требования к изменениям в самой организации жизни вставали перед странами с разными общественными системами.

У нас в сложившихся к тому времени обстоятельствах реформы могли быть успешными, если они обеспечивали бы политическую и социальную свободы и способствовали росту жизненного уровня населения. Такие реформы народ, конечно, поддержал бы. Реально оценивая глубину и масштабность проблем, мы понимали необходимость найти механизмы и формы гибкого сочетания во многом противоположных по своей природе мер — экономических и внеэкономических, демократических и административных. Прошло несколько лет, и новые руководители России наш гибкий, осторожный подход к решению этих сложных проблем охарактеризовали очень просто: «Борьба старого с новым! Борьба демократов и консерваторов!» Наивно? Скорее — примитивно...

Какую же цель, может спросить читатель, вы преследовали, начиная перестройку и переход на рыночные отношения? Отвечаю совершенно четко: создание демократического социализма, достойного современной цивилизации.

С учетом этих и других теоретических соображений и реальных социально-экономических обстоятельств наше Правительство в 89 году выбрало вариант, сочетающий энергичные меры по углублению реформы со взвешенностью действий на всех уровнях управления. Мы шли к рынку, желая прежде всего стабилизировать ситуацию, а затем двигаться дальше, к более развитой системе товарно-денежных отношений. Нам предстояло создавать рыночные структуры, которых у нас не было, даже представление о практике их действий в то время смутноватым было. Кое-кто приводил в пример историю стран Европы и США, вышедших из Второй мировой войны с централизованной плановой эко-

номикой и сразу же безоглядно и смело нырнувших в рынок. Вздор! Они имели долгий рыночный опыт, который прекратился, и то не во всех своих сторонах, всего лишь на пять-шесть лет войны. Им было куда нырять. К тому же, замечу, они и после войны отнюдь не чурались плановых элементов, от которых ныне бегут как от чумы новоявленные эрхарды, а на поверку — нынешние слепые поводыри отечественной экономики. Хорошо помню разговор с моим гостем, Председателем Правительства Испании Фелипе Гонсалесом, который состоялся накануне ее вступления в Общий рынок. Долго мы тогда беседовали, и, прощаясь, гость сказал:

— Вы правы, господин Рыжков, тотальное планирование — экономическая бессмыслица. Оно убивает свободу. Но иметь ясный крупномасштабный план стратегии на годы, по-моему, необходимо. В этом смысле я немало почерпнул из нашей с вами беседы...

В своей программе мы разделили период оздоровления экономики на два этапа. Первый — с 90 по 92 год. Второй — с 93 по 95 год. На первом предусматривался комплекс чрезвычайных мер по преодолению создавшегося положения в экономике, прежде всего — бюджетного дефицита и углубляющейся разбалансированности потребительского рынка. Здесь должны были действовать как жесткие директивные меры, так и усиливающиеся экономические рычаги, входящие в жизнь рыночные отношения. На втором этапе в максимальной степени должны были вступить в силу экономические методы руководства хозяйством, все более активно начал бы функционировать рынок на основе базисных изменений в сфере собственности.

Мы готовили пакет, комплекс важнейших законодательных актов, которые призваны были отладить механизм государственного регулирования экономики, — о единой налоговой системе, о банках, об инвестиционной политике и прочие. А параллельно продумывались законы о собственности, республиканском самоуправлении, местном хозяйстве... Все они стали бы верстовыми столбами на дороге к рынку.

Особо важными мы считали введение единой налоговой системы и реформу цен. Главную особенность последней мы видели в том, чтобы она не ограничивалась единовременным их пересмотром, а была направлена на создание гибкой и постоянно действующей системы ценообразования, которая позволила бы создать условия для развития рыноч-

ных отношений между производителями и потребителями продукции.

И, конечно, все эти меры преследовали цель оздоровить финансовое положение в стране, сократить пугавший нас в то время дефицит бюджета с 92 миллиардов рублей в 1989 году до 25 миллиардов в 92-м. А задачу добиться в сложившейся ситуации вообще бездефицитного бюджета я считал не только экономическим нонсенсом, но и безнравственной идеей. Дело в том, что составить на бумаге и даже выполнить его было не очень сложно, но — какой ценой? Народ Румынии, например, в годы Чаушеску заплатил очень дорого за желание вождя полностью, до нуля, разделаться с долгами страны. А какую цену заплатил уже и продолжает платить народ России, мы все испытываем на себе вот уже три с лишним года. Затея Гайдара мгновенно добиться бездефицитного бюджета с треском провалилась и потянула на дно всю экономику, а с нею — и уровень жизни почти каждой семьи. А между тем определенный нами дефицит в размере 20—25 миллиардов рублей, то есть 2—2,5 процента от валового национального продукта, как показывает мировой опыт, не порождает серьезных отрицательных последствий для экономики...

Мы подготовили для депутатов Съезда письменный доклад. Впервые, если не ошибаюсь. Идея была здравая: пусть внимательно и неторопливо прочтут, подумают, сделают замечания, а потом и обсуждение более толково пойдет. Старое правило: несколько раз прочитанное доходит до ума куда легче, чем однажды услышанное. А я на Съезде выступил лишь с некоторыми комментариями к тому, что мы называли докладом Правительства.

Обсуждали наш документ всерьез. Я выделил бы два направления в дискуссии, два мнения. Первое — в программе есть недостатки, она пока конспективна, ее следует максимально конкретизировать, но стоит принять. Второе — программа совершенно нерадикальна. И тут оппонентами как раз приводился стандартный набор аргументов в пользу мгновенных атак и послевоенный пример США и стран Европы. Чтобы не утомлять читателей подробностями, скажу: Съезд поддержал программу Правительства 1532 голосами при 419 против и 44 воздержавшихся.

Меня не успокоило абсолютное большинство голосовавших «за». Я внимательно слушал все выступления и, может быть, особенно разносившие в пух и прах правительственную программу. В этих последних явственно звучали не

столько частные мнения по экономическим вопросам, сколько вполне определенные политические позиции. И естественно, что этим оппонентам Правительство казалось слишком самостоятельным, слишком убежденным. А значит — непослушным, негибким, неуправляемым. Не я один это понимал — многие мне о том говорили после Съезда. А раз это так, то и после принятия программы предстояла не столько спокойная работа по ее реализации, сколько не легкая борьба вокруг нее. Жизнь показала, к сожалению, абсолютную точность такого прогноза.

Не откажу себе в удовольствии привести здесь текст шифротелеграммы, пришедшей мне из нашего Посольства в Австрии от академика Шаталина, который там оказался во время Съезда:

«Дорогой Николай Иванович! Поздравляю с одобрением правительственной программы. Но работа впереди колоссальная. Без иллюзий. Отдам этой работе все, что могу. Всегда ваш академик С. С. Шаталин».

Что именно «отдал этой работе» Станислав Сергеевич, станет известно позже, а тогда, после Съезда, повторю, я не питал особых иллюзий относительно хода выполнения программы еще и потому, что оно напрямую зависит от того, обеспечена ли при этом определенная политическая стабильность в обществе. А она размышлялась все более усердно. Поправить ситуацию, хотя бы несколько успокоить ее способны были депутаты. Перед Съездом я еще в какой-то мере рассчитывал на их консолидацию, но именно обсуждение нашего доклада явственно показало, что надежды на это практически беспочвенны: депутатский корпус разбегался по отдельным политическим квартирам.

Конечно, все это не стало для нас поводом, чтобы остановиться на полпути и опустить руки. Надо было работать, на это и решения Съезда нацеливали. И перед большой группой специалистов во главе с моим заместителем академиком Леонидом Ивановичем Абалкиным была поставлена задача подготовить к весне строгую и четкую концепцию перехода экономики к рынку, основываясь, естественно, на докладе Правительства Съезду народных депутатов и с учетом замечаний и поправок, которые были на нем высказаны.

Время подгоняло. Денежные доходы населения в первом квартале 90 года выросли, а в национальном доходе все отчетливее наблюдалась тенденция к его сокращению, хотя обвального спада производства пока не было. Правда, в тех

республиках, где межнациональные конфликты особенно обострились, ситуация была скверной. Например, в Азербайджане выпуск промышленной продукции к апрелю уменьшился на 18, в Армении — на 9, в Грузии на 8 процентов по сравнению с прошлым годом.

Группа Л. И. Абалкина работала в подмосковном санатории «Сосны». Президиум Совета Министров собирался ежевечерне, прошла серия новых встреч с руководителями предприятий, банкирами, главами республиканских правительств, учеными. Ведь кроме самой концепции следовало подготовить более десятка проектов законов и несколько десятков проектов постановлений Правительства, о которых сказано было в докладе Съезду.

Работали мы чрезвычайно вдумчиво, «проигрывали» множество вариантов той дороги, которая могла привести страну к нормальной рыночной экономике наиболее безболезненно для людей. Совсем без боли — такого, к сожалению, быть не могло. Следовало перелопатить многообразный зарубежный опыт, чтобы взять из него то, что подходило нам, создать свой вариант, максимально учитывающий особенности страны и ее народа. Говоря «мы», я имею в виду многих и многих ученых, производственников, которых Совет Министров привлек к разработке концепции.

Не хочу обременять внимание читателей мнением иностранных экономистов, внимательно наблюдавших за нашей работой. Приведу лишь одно из них — человека, с которым встретился лично, обсуждал решенные и нерешенные проблемы. Мне тот разговор много дал, и, как оказалось, моему собеседнику тоже. Им был председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы США видный экономист Алан Гринспен. Вот что он написал мне среди прочего из Вашингтона: «Я вернулся из поездки в Москву со значительно более глубоким пониманием того, что Вы и Ваши коллеги пытаетесь сделать для советской экономики, так же как и с более глубоким осознанием связанных с Вашими усилиями трудностей».

Я только что упомянул, что в то время в Совете Министров проходили внеочередные и многочасовые дискуссии. Кто-то из мемуаристов поставил мне это в упрек — слишком много, дескать, было разговоров. Нет, как известно, в споре рождается истина, а нам как раз нужна была только она. Нельзя было из пальца, даже если он руководящий, высасывать принципы предстоящей экономической реформы. Здесь должна была сказать свое слово наука, проверяемая

практикой, опытом. Ну, а если в науке, как сказал один большой ученый, будет полное единодушие, то это не наука, а кладбище.

В общем, после всех дискуссий было сделано главное — определена стратегия нашей экономики, т. е. ее основные цели, пути и средства их достижения. Она, экономика СССР, должна была:

- соответствовать достигнутому человеческой цивилизацией уровню развития и требованиям XXI века;

- создать равные условия различным формам собственности: государственной, кооперативной, смешанной, частной и т. д.;

- обеспечить свободу действий товаропроизводителям, конкуренцию между ними, глубокую экономическую демократию как основу ее в политической и социальной сферах;

- иметь социально ориентированный рынок со значительной регулирующей ролью государства, использующего на каждом этапе развития различные сочетания экономических и административных методов.

Мы считали, что создать вместо планово-распределительной современную рыночную экономику без активной, целенаправленной деятельности государства невозможно. Это утопия или авантюра. Повышение его роли в регулировании всех процессов хозяйственной жизни — требование времени, осознанное во всех развитых странах. Тем более это обстоятельство надо учитывать у нас, где 67 процентов территорий — северные и приравненные к ним. В такой стране активная, определяющая роль государства в формировании рыночной экономики — абсолютная необходимость. Пустить все на самотек, устранить государство из этой сложнейшей работы — значит власть в авантюризм и сознательно ввергнуть страну в неисчислимые бедствия.

Мы прекрасно понимали, что современная рыночная экономика — это сложнейшая система, где все ее элементы соответствуют друг другу, создают тем самым единое целое. Это не только отлаженные сотни тысяч и миллионы связей и взаимозависимостей между товаропроизводителями, это и развитые банковские, финансовые и социальные структуры.

Работая над стратегией нашего развития, мы также учитывали, что в последние десятилетия рыночная экономика на Западе, как и планово-распределительная в социалистических странах, во многом исчерпала свои потенциальные возможности. Надо было взять все хорошее из той и другой экономических моделей и органично соединить, переплавить

все это в нечто единое и дееспособное. Это «нечто» должно было быть сугубо своим, уникально-специфическим, как и наша страна. В основе новой модели, подчеркну еще раз, были сильные стороны социализма, его преимущества, социальная защита населения, государственное регулирование в сочетании с рыночными отношениями.

Но вернемся ко времени создания этой концепции.

Итак, она стала закономерным результатом выбора решений на основе альтернативных, многовариантных сопоставлений и расчетов. Подчеркну: возврата к старой экономической системе в нашей концепции не было. Иной раз я намеренно провоцировал директоров заводов, приезжавших для обсуждения проблем и все еще довольно скептически воспринимавших само слово «рынок», и говорил им:

— За чем же дело стало? Вернемся к жесткой планово-распределительной системе — там все ясно, понятно, привычно. Что с того, что она стала тормозом? Зато вам работать легче. Проголосуйте...

— Нет, Николай Иванович, — отвечали мне, — не берите нас на испуг. Система изжила себя, это ясно. Но и прыгать в рынок, как в пропасть, не хочется. Мы-то прыгнем, а что со страной станет?

Конечно, всегда заманчивым представляется вариант максимального ускорения рыночных процессов, чтобы эффект от них появился быстрее. Но ученым и специалистам, чьи теоретические соображения базировались на хорошем знании производства, отечественного хозяйства, было ясно, что неизбежным следствием таких решений станет круто галопирующая инфляция, спад производства, массовая безработица, обострение социальной напряженности. Иными словами — кризис.

И это именно то, к сожалению, что сегодня в стране и происходит, поскольку молодые, с минимальным практическим опытом экономисты, волею ретивых и безрассудных политиков, пришедших к никем и ничем не ограниченной власти, легко решились на этот кризисный вариант, столь больно, как мы и ожидали, ударивший по людям. Миллионы и миллионы граждан оказались за чертой бедности! А что иного можно было ожидать, если главный реформатор Егор Гайдар в одном из своих многочисленных интервью с гордостью называет себя «кабинетным ученым»? Много ли видно из кабинета, если даже он в Кремле?

Впрочем, о дне нынешнем — позже.

17 и 18 апреля 90 года концепция была представлена

на обсуждение совместного заседания Президентского совета и Совета Федерации. Обсуждение было весьма бурным. Почти все отмечали декларативность документа и, замечу, были абсолютно правы, поскольку за отведенный срок многие общие положения, перекочевавшие из доклада Съезду в концепцию, не были расшифрованы, работа еще велась. В итоге обсуждения мы получили месяц на доработку. Всего месяц! Но успели: точно 18 мая закончили.

22 мая Президентский совет и Совет Федерации вновь рассмотрели документ и приняли хитрое, как я потом понял, решение: поручить Председателю Совета Министров СССР выступить с соответствующим докладом на сессии Верховного Совета. Вот так: вроде бы и одобрили концепцию, раз поручили мне выступить с ней перед депутатами, а на деле официально свое мнение не высказали. Мол, ты кашу заварил — ты и расхлебывай. А мы ни при чем. Примут депутаты — хорошо. Не примут — нас в согласии с твоей концепцией впрямую не обвинишь. Или то была обыкновенная политика «страусизма», когда голову в песок — и беда не беда? Или Горбачев уже присматривался к идеям ученых-радикалов и своих помощников и колебался: чью сторону принять? Его ведь ласково называли «гением компромисса». Но о каком же гении, хотя бы и только компромисса, можно говорить, если человек не видел (и не видит по сей день) грани между полезным сближением точек зрения и элементарным предательством? Компромисс предполагает частичное отступление на одном участке при сохранении или улучшении своих позиций на другом. А у нашего «гения» вся его политическая жизнь в качестве Генсека и Президента — сплошное отступление, закономерно закончившееся полнейшим, позорным поражением.

24 мая вновь я отправился на трибуну сессии, как на казнь. К этому времени я отчетливо понимал, что мне уготована роль осужденного. Было ясно, что в качестве первого объекта нападения со стороны «демократической оппозиции», легко приспособившей лозунг «Вся власть Советам!» для собственных интересов и целей, избраны возглавляемое мною Правительство и лично я. Горбачев в очередной раз занял удобную для себя, как бы отстраненную позицию, и, казалось мне, я для него уже был отыгранной картой. Позже, выступая на XXVIII съезде КПСС, он оторвется от написанного доклада и скажет: «Начинать реформу с новых цен было абсурдом».

На следующий день, когда мы оказались бок о бок, я спросил его с возмущением:

— Как же вы могли обвинить меня в этом? Ведь мы не предлагали начинать реформу с новых цен! Вам же известно, что цены — лишь часть огромного комплекса экономических и организационных мер при переходе к рынку. Об этом я и говорил на сессии. И не надо меня передергивать! Да, кстати: ведь все это было предварительно и досконально оговорено с вами!

— Я ничего об этом не говорил, — по-детски «защитился» он.

— Как же не говорили, — уличил его я, показав газету с текстом доклада. — А это что?

— Газетчики напутали, — совсем уже смешно сказал он, словно опасаясь признаться в слове, которое, как известно, не воробей...

Но это было потом, а 24 мая я вышел на трибуну сессии и приступил к своему выстраданному, самому тяжкому в моей жизни докладу. Газеты сообщили, что в тот день на сессии был зафиксирован своеобразный рекорд: к началу утреннего заседания зарегистрировалось 433 члена Верховного Совета и 133 народных депутата, не входивших в него. Доклад был заслушан в непривычной тишине зала.

Сегодня, когда молодые теоретики от экономики используют доставшуюся им власть, чтобы бесшабашно ввергнуть народ и Россию в водоворот кризиса, стоит напомнить читателям основные положения нашей «Концепции-90». Ее били из всех сил и справа, и слева, то за недостаток радикальности, то за излишнюю якобы бесчеловечность. Ну, и, конечно, всячески цеплялись к слову «регулируемая». Но, по-моему, за этим стоит или обычная демагогия, или историко-экономическая малограмотность. Именно регулируемая и только так, ибо ни в одной стране мира, будь она развитой или развивающейся, нет сегодня и не может быть неуправляемой экономики. И мы четко оговорили условия мягкого, плавного, максимально безболезненного для населения, как я уже отмечал, перехода к регулируемой рыночной экономике.

Первое из них: реальная самостоятельность и экономическая ответственность предприятий как свободных товаропроизводителей. Добиться этого можно, опираясь на новые отношения собственности и органически присущий им дух инициативы, предпринимательства — тот самый, развитию которого наше государство в течение десятилетий вольно

или невольно ставило одну преграду за другой. Второе: механизм ценообразования, чутко реагирующий на динамику спроса и предложения и учитывающий необходимость социальной защиты населения. Третье: конкуренция, которая понуждала бы к снижению издержек и цен, стимулировала бы удовлетворение спроса, заставляла бы производителя продукции ловить технические нововведения, противостояла бы стремлению к монополизму. Четвертое: структура производства, соответствующая платежеспособному спросу и быстро реагирующая на его изменения. И, наконец, пятое: денежная сбалансированность, устойчивость всей финансовой системы.

Все это — основа. Теперь — как идти.

Большие надежды связывали мы с новой системой налогообложения — единой, когда ставка налога на прибыль одинакова для всех предприятий любой формы собственности и всех отраслей хозяйства. Государство же может применять налоговые льготы, тем самым стимулируя предприятия инвестировать производственное и социальное развитие на приоритетных для страны и людей направлениях.

В книге я уже неоднократно возвращался к проблеме ценообразования. Она, как дамоклов меч, все время висела над нами. Я хочу снова процитировать отрывок речи Генсека в Мурманске:

«...В прошлом году дотации по продаже мяса и молока составили уже 57 миллиардов рублей. Но ведь многие и не чувствуют, и не знают всего этого.

А отсюда нет должной уважительности к продуктам. Да это вы и сами видите. Ведь дошло до того, что ребяташки играют булками в футбол. А сколько продукции выбрасывается в отходы. Или пример другого характера. Дамские сапожки стоят 120—130 рублей, и 62 килограмма мяса, которые приходится сегодня в среднем на каждого человека, обходятся в такую же сумму, то есть годовое потребление мяса стоит пары сапожек...

Носамое главное вот в чем. Семьи с большим доходом больше потребляют мяса и молока, и, следовательно, они больше используют эти дотации. Вот ведь что получается...»

Правильные слова. А через два года — «абсурд начинать с цен». Видно, популизм у политиков (или политиканов?) в крови. Многие его «асы» сделали для себя четкий вывод: говорить сегодня то, что люди хотят услышать. А вот выполнять эти обещания будет кто-то другой, в случае чего на него можно и свалить все. Так и произошло с ценами.

Еще раз напомним, что и в то время всю раздавались голоса о необходимости сделать цены свободными. Все цены! Но, говорили мы, тогда при нашей структуре производства, монополизме и состоянии денежного хозяйства все цены непредсказуемо взметнутся вверх. Значит, следом неизбежно придется повышать зарплату и другие денежные доходы. И тут немедля «заработает» спираль инфляции, которая подорвет производство, исковеркает структурную перестройку. Невероятно вырастет число людей, оказавшихся не готовыми к такому повороту событий, а государство тоже, в свою очередь не сможет помочь им, поскольку не в силах будет остановить инфляцию.

Наше Правительство предпочло другой вариант, который исходил из поэтапного введения рыночных методов ценообразования в сочетании с государственным контролем за уровнем и динамикой цен. Мы предполагали в начале 91 года централизованно осуществить реформирование всей системы цен, устранив накопившиеся в ней диспропорции. Затем переходить к рыночному ценообразованию, сочетая все же цены, регулируемые государством, со свободными, которые диктуются спросом и предложением. Этот постепенно снижаемый контроль за ценами помог бы если не избежать вовсе, то значительно смягчить инфляционные процессы.

В Концепции определялись основные параметры изменения оптовых цен на энергоносители, металл, лес и лесоматериалы, химические продукты и так далее, чтобы приблизить эти цены к мировым. Мы хотели ликвидировать такое положение, когда наши лес, бумага, мазут, мочевины и прочее уходило за рубеж чуть ли не по демпинговым ценам, а там перепродавались по реальным. В среднем рост предлагаемых оптовых цен намечался на 46 процентов.

Надо было менять и закупочные цены. Постоянно происходило удорожание потребляемых сельским хозяйством материальных ресурсов, росли банковские кредитные ставки и т. д. Чтобы сельское хозяйство стало в основном рентабельным, закупочные цены предполагалось поднять на 35 процентов.

Но самыми трудными были проблемы, связанные с реформой розничных цен. Здесь в тугой клубок сплелись интересы и производителей, и торговли, и каждой семьи. Деформации в этой сфере к 90 году возникли небывалые! Если за последние 35 лет произведенный национальный доход увеличился в 6,5 раза, то государственные дотации

к ценам — более чем в 30 раз! В том же 90-м дотация только на продовольственные товары составила около 100 миллиардов рублей, а с введением новых закупочных цен без пересмотра розничных она увеличилась бы еще на 30 процентов и составила бы пятую часть всех расходов госбюджета.

Ситуация и впрямь была ненормальной. Производство одного килограмма говядины, например, обходилось государству в то время в 5 рублей 88 копеек. Продавался этот килограмм в госторговле, если вы еще не забыли, в среднем за два рубля. И это только один из примеров, а приводить их можно было бы бесконечно. Причем следует отметить, что мы вовсе не собирались уходить от дотационности. Чтобы полностью отказаться от поддержки через нее сельского хозяйства, надо было бы килограмм той же говядины в новых условиях продавать за 9 рублей, а мы установили предел 5 рублей 50 копеек. Тогда за государством оставались только дотации мясомолочной промышленности — 45 миллиардов рублей в год. А как же иначе? Производительность труда в сельском хозяйстве быстро подняться не может, будущим фермерам еще раскручиваться и раскручиваться, да и народ богаче в один день не станет. Нет, мы знали, на что шли, предлагая установить такие цены: мы о людях думали в первую очередь и поэтому предлагали иметь на основные продукты питания фиксированные цены.

Что касается других товаров и услуг, то, например, цены на ткани и изделия из них, по нашим расчетам, могли увеличиться на 30—50 процентов, обувь — на 35, на строительные материалы, авиационные и железнодорожные пассажирские перевозки — наполовину. Мы исходили при этом из того, что решение всех вопросов жизни народа возможно лишь при динамичном развитии народного хозяйства. Еще раз напомним: стабилизация экономики должна была начаться с января 91-го и через год (все это было многократно просчитано и проверено!) дать заметные результаты, а затем намечались дальнейшие шаги, но не отягощенные скольконибудь серьезными бедами и пагубами для людей при вхождении экономики в рынок.

Я намеренно так подробен, чтобы вы вспомнили, как носили правительственную программу в 90 году за то, что она-де превратит людей в нищих, что вся страна свалится за черту бедности. Я хочу, чтобы вы оглянулись вокруг и сравнили нынешние астрономические цены с теми, что предлагали мы. Сравнили? Жутковато? Мне тоже.

А ведь мы считали точно: тогда этого подорожания вполне хватило бы, чтобы страна не свалилась в кризис. Сейчас он в разгаре, цены возросли на многие тысячи процентов. Тот, кто обещал из-за роста цен лечь на рельсы, живет и здравствует. Вы сейчас читаете эту книгу. Вам судить — прав я был или нет...

Единственное, что мы хотели сделать сразу, с июля 90 года, так это повысить цены на хлеб. Только на хлеб! Мы предлагали этот шаг потому, что хотели на хлебе, так сказать, на «отдельно взятом повышении цен», проверить и оценить систему компенсационных мер. С 1 июля до конца года дополнительные расходы населения на покупку хлеба составили бы 17,5 миллиарда рублей, и мы их собирались компенсировать полностью. Заметьте, полностью! Да и надо было восстановить потерянное уважение к хлебу. Сейчас же это «уважение» перешло всякие границы. Одни старики долго стоят у витрины с ценами на хлеб, стыдливо пересчитывая свои невесомые рубли (а помните броский термин «деревянные»? Сейчас авторы этих эпитетов молчат: не хватает воображения, как назвать сегодняшние рубли). Другие идут прямо на помойки — там все бесплатно. Это реальные картины сегодняшней жизни: при минимальной заработной плате в 43,7 тысячи рублей стоимость буханки хлеба — в среднем 1,5 тысячи. Минимальная зарплата при Правительстве Рыжкова была 70 рублей, а буханка хлеба стоила 20 копеек. А дальше делайте расчеты сами...

В 91 году компенсационные выплаты должны были составить в среднем 70 процентов от общей суммы повышения цен, при этом на основные продукты питания компенсация предусматривалась практически полная. Без компенсации мы намеревались оставить удорожание ювелирных изделий, дорогостоящих меховых изделий, импортной мебели, отдельных видов бытовой техники, повышение тарифов на пассажирские перевозки дальнего следования — другими словами, то, что не является обязательными для всех и каждого тратами. Так вот, мы хотели понять, как выплачивать компенсацию, где ее выплачивать, в каком виде и прочее. Понять, проверив себя на хлебе, на 17 миллиардах, а к 91 году прийти с некоторым опытом, чтоб поменьше ошибок делать при организации социальной защиты населения в связи с ростом цен.

Не стану пересказывать суть тех выступлений, которые прямо-таки обрушились с трибуны сессии после моего «ка-микадзевского» доклада. Скажу лишь, что я еще больше

укрепился в мысли о том, что не в реформах дело, а в возглавляемой мной «команде», мешавшей прорваться к власти будущим разрушителям страны.

К рынку ведут различные дороги. Каждая страна шла, в принципе, по собственной, с учетом, по возможности, чужих ошибок. У нас тоже было несколько путей, я говорил здесь о них. Но мы выбрали единственно, как нам представлялось, подходящий и для нашей неповоротливости, и для политической раздробленности, и для неподготовленности к рыночным действиям в техническом и в организационном отношении. Ведь тогда еще не было ни реформированных государственных структур, ни развернутой сети банков, ни, наконец, нужных законов. Мне и нам всем казалось, что мы правы в своем осторожном, но реалистичном плане движения к рынку.

Да, в те дни в Кремле шли непрерывные дискуссии, споры, схватки. Много раз нам пришлось высказывать позицию Правительства и на пресс-конференциях. Приведу выдержку из стенограммы одной такой встречи с журналистами.

«Николай Рыжков:

— Страна во многом не подготовлена к форсированному переходу к рынку, не готово и общественное сознание. Поэтому мы за взвешенный вариант. Твердость, с которой Правительство отстаивает свою позицию, имеет объяснение. К подготовке новых предложений привлекались серьезные научные силы, в них учли предложения парламента, а также альтернативные проекты реформы. Затем было проведено моделирование предстоящих нововведений, математический анализ всех плюсов и минусов. При этом расчет шел по двум вариантам перехода к рынку — радикальному, который проповедают немало известных советских экономистов, и умеренному, который предлагает Правительство.

Модель первого варианта (почти немедленный перевод цен на свободные, практически полное исключение госзаказа и т. п.) показала резкий спад в первые два года объемов производства, занятости, жизненного уровня...

Анализ второго варианта также показывает спад, но более пологий, медленный. Снижение уровня жизни населения в целом по стране произойдет, но меньше, чем по первой модели. Соответственно, и оздоровление экономики будет идти дольше. К 1995 году рост национального дохода не превысит 15 процентов.

Почему же Правительство выбрало умеренный вариант,

когда по первому страну ожидает небывалый расцвет уже через пять лет?

Леонид Абалкин:

— А как прожить ближайшие два года? Посильна ли цена? Ясно, что вывести экономику из кризиса без потерь и жертв уже невозможно — время упущено. Но умеренный вариант не ведет к серьезным социальным потрясениям. Снижение жизненного уровня для значительной части населения можно будет компенсировать социальными программами.

Как правило, население связывает свой жизненный уровень с ценами. Может быть, именно поэтому в программе Правительства вопросам ценообразования отведено одно из центральных мест».

Думаю, что многие из тех, кто считал необходимым убрать с командной вышки слишком самостоятельно мыслящее Правительство, тоже внутренне понимали нашу правоту. Но, когда речь заходит о политике, здравый смысл слишком часто отсутствует. Об этом я уже не раз говорил и, похоже, еще скажу...

Верховный Совет не отверг концепцию, обязал Правительство подготовить программу перехода к рынку до 1 сентября. Но, отодвинув решение до этого времени, он сделал бессмысленными многие меры, нами предлагаемые. Ну, скажем, опережающий подъем цен на хлеб. Мы его осенью уже и не предлагали — зачем?

Не решить ничего — это всего лишь ничего не решить или даже погубить все. Все же я хотел закончить концепцию, доработать ее, подготовить программу. Отменил отпуска членам Правительства. Не привык, никогда не умел бросать дело на полпути. Времени до 1 сентября оставалось два с половиной месяца...